Братья Гримм

# Монах в терновнике

Жил когда-то крестьянин-богач, и был у него батрак; работал он на богача старательно и честно, каждое утро подымался первым, а вечером ложился последним; если попадалась какая-нибудь тяжелая работа, за которую никто не хотел браться, он всегда принимался за нее первым. К тому же он не жаловался, а всем был доволен и всегда был весел.
Вот проработал батрак год, и хозяин не заплатил ему ничего и подумал: «Этак будет разумней всего, я что-нибудь себе сберегу, он теперь от меня не уйдет и будет прекрасно продолжать работать».
Батрак на этот раз смолчал, выполнял и второй год, как и прежде, свою работу; в конце второго года он опять не получил своего заработка, но стерпел и остался работать дальше. Прошел и третий год, поразмыслил хозяин, полез к себе в карман, но ничего оттуда не достал.
Тут батрак, наконец, не выдержал и говорит:
— Хозяин, я вам честно работал три года, будьте добры, уплатите мне то, что надлежит получить мне по праву; я от вас ухожу, хочу поглядеть, что на белом свете делается.
Ответил скряга:
— Да, мой любезный работничек, ты мне служил усердно, и за то будешь ты щедро награжден, — он сунул руку в карман и отсчитал батраку три геллера денег, — вот тебе по целому геллеру за год, это плата большая и более чем достаточная; редко у кого из хозяев ты получил бы столько.
Простодушный батрак в деньгах понимал мало, загреб свой капитал и подумал: «Ну, теперь карман мой полон, чего мне тужить и зачем дальше на тяжелой работе мучиться?»
И он ушел и двинулся через горы, по долинам, распевая песни да приплясывая сколько его душе было угодно. Приходилось ему раз проходить мимо лесной чащи, вдруг вышел оттуда маленький человечек и окликнул его:
— Куда это ты, брат-Весельчак, собрался? Вижу, ты не больно озабочен и грустить не собираешься.
— А чего мне быть грустным? — ответил батрак. — Всего у меня вдосталь, и заработок за целых три года в кармане у меня позвякивает.
— А сколько же у тебя богатств-то? — спрашивает его человечек.
— Сколько? Целых три геллера, отсчитано верно.
— Послушай, — сказал карлик, — человек я бедный, подари мне свои три геллера: работать я больше не в силах, а ты еще молод и можешь себе легко заработать на хлеб.
А было у батрака сердце доброе, сжалился он над человечком, отдал ему свои три геллера и сказал:
— Ну, бог с тобой, мне и этого хватит.
Сказал человечек:
— Я вижу, сердце у тебя доброе, и обещаю тебе исполнить твои три желанья — за каждый геллер по желанью, и все они исполнятся.
— Ого, — сказал батрак, — да ты, видно, из тех, кто на выдумки горазд! Ну, что ж, если так, то я пожелаю себе, во-первых, такой самопал, что во всё, куда ни нацелишься, он попадет; во-вторых, такую скрипочку, что ежели на ней заиграть, то всяк, кто услышит игру, начнет плясать; в-третьих, если я у кого что попрошу, то чтоб не было мне ни в чем отказу.
— Это все у тебя и будет, — сказал человечек, сунул руку в куст, и — кто бы мог только подумать! — была уже перед батраком и скрипочка, и самопал, готовый выстрелить, — будто их кто по заказу сделал. Дал человечек их батраку и сказал:
— Если ты что у кого попросишь, то ни один человек на свете тебе в этом не откажет.
— Ну, милый, чего ж тебе теперь и желать-то? — сказал себе батрак и весело двинулся дальше.
Вскоре повстречался ему по дороге беглый монах: он стоял и прислушивался к пению птицы,

которая сидела на самой макушке дерева.
— Божье чудо! — воскликнул монах. — Такая маленькая птичка, а какой необычайно сильный голос! Эх, если бы мне ее заполучить! Кто б это мог насыпать ей соли на хвост?
— Если это и все, — сказал батрак, — то птичка враз на земле очутится, — приложил он самопал, нацелился, и упала птица в терновую заросль.
— Ступай, плут, — сказал он монаху, — и достань теперь оттуда птицу.
— О да, позвольте уж мне, а то прибежит собака. Уж раз вы в птицу попали, то дайте подобрать ее мне, — он лег на землю и начал пробираться в кусты.
Вот залез монах в самую гущу терновника, и захотелось доброму батраку над ним посмеяться, — снял он свою скрипку и начал играть. И мигом начал монах на ноги подыматься и прыгать, и чем больше батрак играл, тем быстрей становилась пляска. Но колючие шипы разорвали ему потертый подрясник, причесали как следует ему волосы, всего его искололи и впились в тело.
— Ой, — закричал монах, — зачем мне такая игра! Бросьте играть на скрипке, плясать мне вовсе не хочется.
Но батрак его не послушал и подумал: «Ты довольно с людей шкуру драл, пускай с тобой поступит так же терновая заросль». Он принялся снова играть, и пришлось монаху подпрыгивать все выше и выше, и лохмотья его подрясника повисли на шипах.
— Ай! Ай! Ай! — кричал монах. — Я готов вам отдать все, что потребуете, только оставьте свою игру на скрипке, дам полный кошелек денег.
— Уж если ты такой щедрый, — сказал батрак, — то так и быть, я брошу свою музыку; но надо будет о тебе порассказать всюду, как здорово ты пляшешь! — и он забрал кошелек и пошел себе дальше.
А монах, как стоял, так и застыл на месте, он смотрел батраку вслед, пока тот отошел далеко и совсем уже скрылся из виду; потом монах закричал во все горло:
— Эх ты, несчастный музыкант, музыкантишко ты трактирный! Погоди, поймаю я тебя одного, будешь ты от меня удирать, аж пятки засверкают. Эх ты, оборванец, заткни себе грош в глотку, вся цена тебе шесть грошей! — и он продолжал его ругать на чем свет стоит. Наконец он удовлетворился, отдышался и побежал в город к судье.
— Ой-ой-ой! Господин судья, посмотрите, как меня злодей на большой дороге ограбил, избил! Камень, и тот сжалиться может. Всю одежду на мне изорвал! Всего меня исколол, исцарапал! Все мои жалкие гроши забрал у меня вместе с кошельком. А были там всё дукаты, один красивей другого. Ради бога, упрячьте вы этого злодея в тюрьму!
Сказал судья:
— Так что ж, это был, наверно, солдат, который тебя так изрубил саблей?
— Боже упаси! — ответил монах. — Никакой сабли у него не было: висел у него самопал за плечами и скрипка на шее, — злодея легко опознать.
Выслал тогда судья своих стряпчих, чтобы его изловить; нашли они доброго батрака, — он шел медленно по дороге, и оказался у него кошелек с золотом. Привели его на суд, а батрак говорит:
— Я монаха не трогал и денег у него не брал, он сам мне их предложил, оттого что не мог вынести моей музыки.
— Боже мой! — закричал монах. — Да он врет, как водой бредет.
И судья батраку не поверил и сказал:
— Плохо ты оправдываешься, так ни один монах не поступит, — и присудил доброго батрака повесить за то, что он будто совершил грабеж на большой дороге.
Стали батрака уводить, и закричал монах ему вслед:
— Эй ты, бродяга, дрянной музыкант! Теперь-то ты получишь заслуженное тобой наказанье!

Стал батрак спокойно подыматься вместе со своим палачом по лестнице, а на последней ступеньке повернулся и говорит судье:
— Прежде чем мне умереть, исполните одну мою просьбу.
— Хорошо, — сказал судья, — если ты не будешь просить, чтоб тебя помиловали.
— Нет, я прошу не о помиловании, — сказал батрак, — а дозвольте мне сыграть в последний разок на своей скрипке.
Поднял монах страшный крик:
— Ради бога, не разрешайте ему, не разрешайте!
Но судья сказал:
— Почему не позволить ему этой маленькой радости? Это и по закону положено, и это будет исполнено.
Но не могло быть батраку отказано еще и потому, что имел он такой дар, что ни в чем ему не было отказа.
Завопил монах снова:
— Ой, ой, ой, привяжите меня покрепче!
Снял батрак с шеи свою скрипочку, приладил ее, и только ударил он смычком, как зашаталось, заколыхалось всё — и судья, и писаря, и судейские; и выпала у палача из рук веревка, которою он должен был привязать монаха. Ударил батрак смычком еще раз — и все подняли ноги, и отпустил палач, собираясь пуститься в пляс, доброго батрака. Ударил батрак смычком в третий раз — и подпрыгнули все и пошли в пляс; были судья и монах впереди остальных и плясали лучше всех. А вскоре за ними заплясали и те, кто явился на рынок из любопытства, и посмешались между собой все, и старые и молодые, и толстые и худые. Даже собаки, прибежавшие вместе со своими хозяевами, и те поднялись на задние лапы и тоже запрыгали. И чем дольше играл батрак, тем все выше подпрыгивали плясуны, толкая друг друга головами, и начали, наконец, жалостно кричать.
Крикнул тогда судья, уже совсем запыхавшись:
— Я дарую тебе жизнь, только перестань играть на скрипке!
Стало доброму батраку его жалко, оставил он скрипку, повесил ее на шею и спустился с лестницы. Подошел он затем к монаху, который лежал на земле, еле дыша, и говорит ему:
— Мошенник, сознайся теперь, откуда ты деньги взял, а не то я сниму скрипку и опять заиграю.
— Я их украл, я их украл! — закричал монах. — А ты их честно заработал.
И велел судья отвести монаха на виселицу и повесить его, как вора.